

сятся к тому, что сказано здесь о половозрастной организации — этой исходной структуре, с которой человечество начинало свой долгий и разветвленный исторический путь.

SEX-AND-AGE ORGANIZATION

The author examines V. A. Popov's paper on sex-and-age stratification among the Akan peoples that functions in the context of differences in property and rank. He offers the following considerations.

The earliest sex-and-age organization has left few traces, and these have to be searched for in all spheres of culture, in all aspects of language, in all folklore genres of many peoples. Among other things, there is a relationship between the sex-and-age organization and the numeral. It has long been known that primitive peoples see a connexion between numerals and sex, but contemporary research has shown also a connexion of the numeral with age level.

В. А. Попов

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ ПЕРВОБЫТНОСТИ

(Вместо ответа оппонентам)

Конкретная по замыслу и исполнению статья, в которой ставилась и решалась довольно ограниченная задача, оказавшись объектом дискуссии, вполне естественно стала не столько предметом обсуждения, сколько поводом для разговора о проблемах изучения половозрастных явлений. К тому же участники обсуждения только условно могут быть названы оппонентами, так как все они оказались единомышленниками автора в главном — в том, что половозрастная стратификация представляет собой универсальное социальное явление, что на ранних этапах развития первобытного общества в основе социальной организации лежал половозрастной принцип.

В связи с этим настоящие заметки не являются традиционным ответом оппонентам, а скорее всего представляют собой обзор основных проблем изучения половозрастных явлений, а также некоторые соображения относительно методики и методологии этносоциологических реконструкций первобытности, о значении половозрастного принципа на ранних этапах социогенеза. Необходимость такой формы заключительного слова обусловлена прежде всего опасением, что у читателя, познакомившегося с представленными здесь откликами, может сложиться ложное впечатление о единстве взглядов на эти проблемы среди историков первобытного общества. Другие точки зрения здесь просто не представлены.

Участники «круглого стола» не подвергают сомнению не только исходные теоретические посылки предпринятой реконструкции древнеаканских возрастных групп и возрастных классов, но и саму методику реконструкции, хотя, пожалуй, этот аспект в статье по-настоящему дискуссионен и в первую очередь заслуживает обсуждения и, по-видимому, критики.

Методика реконструкций всегда была актуальной проблемой для историков первобытного общества. Однако в настоящее время, когда резко возросли требования к теоретической интерпретации эмпирических данных, совершенствование методики и методологии реконструкций приобретает первостепенное значение. В связи с этим вполне своевременно задаться вопросом: есть ли у этносоциологов первобытности некая система приемов, способных выступать в качестве методологических постулатов при разработке гипотез и при создании теоретических реконструкций? Думается, что есть набор таких приемов; правда, многие из них применяются интуитивно и не стали еще предметом специального рассмотрения. Большинство из них выступает как

явно или неявно сформулированные предписания и запреты. К наиболее существенным могут быть отнесены следующие¹:

1. Обязательность разграничения структурообразующего принципа и форм его реализации, т. е. конкретных социальных институтов², основанных на этом принципе. По существу имеется в виду необходимость дифференциации всеобщего и отдельного, сущности и явления, содержания и формы. Следует подчеркнуть, что реконструировать, как правило, можно лишь принципы организации общества и тенденции его развития, но далеко не всегда конкретные формы реализации этих принципов и тенденций. К тому же образцы конкретных форм могут быть взяты только у синполитейных обществ, которые являются лишь этнографическими аналогами при создании первобытно-исторических моделей. Поэтому вопрос о форме реализации может быть поставлен только после того, как реконструирован принцип.

2. Необходимость обоснования критериев появления/исчезновения явлений, а также осознания того, о появлении/исчезновении чего идет речь — принципа или формы, так как конкретные механизмы смены принципов и форм существенно различаются. Нуждается в обосновании и критерий определения того, какой процесс (появление или исчезновение) реконструируется, поскольку часто бывает невозможно отличить разрушившийся социальный институт от несложившегося.

3. Обязательность разграничения процессов функционирования и развития (с учетом перехода механизмов функционирования в процесс развития и наоборот).

4. Необходимость разграничения корреляционных и причинно-следственных зависимостей, чтобы избежать отождествления корреляции между социальными явлениями с причинно-следственными связями, причем для реконструкции такое различие даже более важно, чем опасность принять следствие за причину.

5. Требование использовать в качестве этнографических аналогов только стадияльно равноценные этносоциальные организмы.

Аксиоматика теории этносоциологических реконструкций, разумеется, не ограничивается только отмеченными постулатами. Однако автор не ставил задачи дать исчерпывающий список нормативных компонентов создающейся теории первобытноисторических реконструкций. Здесь кратко охарактеризованы только те, которые с нашей точки зрения, относятся к наиболее существенным и от последовательного и осознанного применения которых на практике в значительной мере зависит степень достоверности этносоциологических реконструкций первобытности. Прежде всего потому, что они представляют своего рода методологические ориентиры, позволяющие очертить границы познавательных возможностей, т. е. с большей долей вероятности определять, что может быть реконструировано, а что не может, что в принципе могло существовать на данном этапе развития, а что нет. Причем знание того, чего быть не могло, представляется даже гораздо более важным и полезным для исследователя, чем предположения о том, что быть могло. Проиллюстрировать эту мысль, кажется, удобнее всего на примере систем терминов родства (СТР), тем более что многие теоретические построения и гипотезы в истории первобытного общества строятся на базе или с тем или иным привлечением данных СТР.

Значение СТР как источника информации для реконструкции истории первобытного общества трудно переоценить, так как СТР относятся к тем категориальным социальным системам, структура которых нагляднее других отражает основные принципы предшествующего и тенденции будущего развития общества и уже в силу этого обладают наибольшим информационным потенциалом. Именно это обстоятель-

¹ Тезисное изложение постулатов обусловлено недостатком места. К тому же автор предполагает опубликовать развернутое обоснование этих постулатов в виде отдельной статьи.

² Под социальным институтом понимается то же явление, что и в отклике Н. М. Гиренко (с. 108).

ство позволило в свое время Л. Г. Моргану обосновать подход к СТР как к историческому источнику и открыть таким образом «новый путь для исследования и возможность глубже заглянуть в предисторию человечества»³. Моргановский подход к СТР как к историческому источнику для изучения социальной истории является сейчас общепризнанным, однако среди этнографов, к сожалению, все еще бытует несколько дилетантское отношение к СТР и феномену родства в целом. В связи с этим все еще актуально предостережение М. Маркелова о том, что «родственные обозначения, не приведенные в известный аналитический порядок, ограниченный строгим научным методом, представляют собой настолько эластичный материал, что им можно иллюстрировать в отдельных случаях любое положение теоретической этнологии в области доистории общественного развития человечества»⁴.

Наиболее устойчивым заблуждением является восходящее к Л. Г. Моргану представление о родстве как о кровном (биологическом, генетическом). Однако если родство сводить только к биологии, тогда, как совершенно справедливо заметила Г. Доул⁵, непонятно существование различий между типами систем родства (СР), поскольку кровнородственные отношения одинаковы во всех обществах. Таким образом, СР не могут быть отождествлены с отношениями кровного родства. «Связывают людей вовсе не родственные отношения сами по себе, а те факторы, которые делают их общественно значимыми для людей»⁶, т. е. родство по своей сущности явление прежде всего социальное. Поэтому, оперируя категорией «родство» (равно как и такими понятиями, как «возраст», «пол», «происхождение»), необходимо четко различать их биологический и социальный аспекты (см. отклики Н. М. Гиренко, К. П. Калиновской и И. С. Кона), учитывать динамику соотношения биологического и социального в этих феноменах на разных этапах развития человечества, осознавать ее историческую обусловленность⁷.

Необходимо также представлять себе качественное различие между первичными (классификаторскими) СР, характерными для первобытных народов, и вторичными (описательными) системами, присущими классовым обществам. Вторичные системы — индивидуальные, совпадающие в значительной степени с биологическими отношениями родства (линейные, по терминологии Н. М. Гиренко, или линейно-степенные, по Ю. И. Семенову). Первичные системы — коллективные, групповые и небιологические, так как на разных этапах развития человечества генетические связи между индивидами не были значимыми, даже если и были известны. Поэтому вторичные СР представляют собой отношение между индивидами и в качестве точки отсчета выступает индивид, в то время как первичные СР отражают отношения между коллективами и в качестве эго выступает группа индивидов. В этом заключается принципиальное различие между основными историческими типами СР, которое нельзя игнорировать. На это различие еще в 20-х годах обращали внимание С. А. Токарев, А. М. Золотарев, а в последние годы — Н. А. Бутинов, А. М. Решетов, Ю. И. Семенов, Н. М. Гиренко, В. М. Мисюгин⁸.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 221.

⁴ Маркелов М. Системы родства у угро-финских народностей.— Этнография, 1928, № 1, с. 50.

⁵ Dole G. The Development of Kinship Nomenclature. Ann Arbor, 1957, p. 4.

⁶ Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности.— Сов. этнография, 1968, № 4, с. 84.

⁷ Прекрасный пример несоответствия представлений о возрасте у англичан и кикуйю см.: Калиновская К. П. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки.— В кн.: Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л.: Наука, 1980, с. 58—59.

⁸ Токарев С. А. О системах родства у австралийцев (к вопросу о происхождении семьи).— Этнография, 1929, № 1, с. 49, 53; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964, с. 63; Решетов А. М. Некоторые наблюдения над системами родства.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972, с. 232; Бутинов Н. А. Письмо в редакцию.— Сов. этнография, 1963, № 5, с. 181; его же. Типология родства.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979; Мисюгин В. М. «История галла» как этноисторический источник.— В кн.: Африканский эт-

В связи с этим нельзя не обратить внимание на неправомерность ставших обычными описаний СТР первичных СР в терминах вторичных СР. Термины эти не адекватны друг другу, и происходит не только искажение содержания первичных систем, но одновременно им приписывается (привносится) специфика, присущая более развитым обществам, что ведет к модернизации, которая, естественно, не может не отражаться на конкретных результатах исследования, хотя при таких описаниях часто ставятся кавычки и делаются иногда соответствующие оговорки. Могут возразить, что невозможно описать конкретную СТР без сопоставления ее с известной СТР или с каким-либо эталоном (метазыком). Действительно, невозможно, но нельзя путать эталон описания с описываемым явлением, однако именно это и происходит на практике. С подобным смещением не в последнюю очередь связано такое стойкое недопонимание качественной специфики первичных СР⁹. В этнографии известны различные системы записи СТР, позволяющие обойтись без СТР — посредника: цифровые, графические, буквенные и даже алгебраизированные способы нейтральной записи. Но наиболее логичным и научно обоснованным эталоном, несомненно, является биосоциальная матрица родственных связей — максимально дифференцированная и заведомо более широкая, чем любая конкретная СТР. Элементы биосоциальной матрицы обычно фиксируются с помощью специальных кодов. В советской этнографии имеется и уже довольно широко используется один из вариантов таких кодов, предложенный Ю. И. Левиным¹⁰.

Осознания специфики первичных СР вполне достаточно, чтобы усомниться в правомерности доминирующего представления о раннепервобытном счете родства (происхождения) как о линейном, генеалогическом, поскольку такой счет предполагает знание биологических отношений между индивидами по вертикали. К тому же, в силу своей абстрактности генеалогия явно невозможна для конкретного и предметного мышления первобытного человека. В связи с этим обращает на себя внимание отсутствие глубоких генеалогий в тех синполитейных этносоциальных организмах, которые принято относить к наиболее отсталым. Так, на Берегу Маклая советские этнографы столкнулись с полным безразличием папуасов к тому, есть ли у них общий предок. Они помнят отца, деда, а на вопрос о прадеде отвечают: «Не знаю»¹¹. «Даже там, где папуасы и меланезийцы могли бы генеалогически установить родство, они часто выбирают более короткий и совсем не генеалогический (выделено мной.— В. П.) путь»¹². Обычно учитываются два восходящих и два нисходящих поколения, причем второе восходящее и второе нисходящее поколения эгоцентрической схемы СТР, как правило, сливаются в одно поколение потомков-предков, что коррелируется с феноменом отождествления предков и потомков, широко известным у многих обществ первичной формации¹³ и зафиксированным также у

нографический сборник. Вып. XI. Л.: Наука, 1978, с. 163—166, 167; Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974, с. 40—43, 161—162; Гиренко Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий.— Сов. этнография, 1974, № 6, с. 43—44.

⁹ См., например: «В эпоху раннеродового общества социальные связи людей еще не дифференцировались от генеалогических, совпадая с ними. Терминология родства при своем возникновении отразили это единство. Только позднее социальное значение терминов начинает преобладать над биологическим и не совпадать с ним» (Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974, с. 28).

¹⁰ Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства.— Сов. этнография, 1970, № 4, с. 18—19. О модификациях кода Ю. И. Левина см.: Членов М. А. Опыт исследования малайской системы родства.— В кн.: Малайско-индонезийские исследования. М.: Наука, 1977, с. 13.

¹¹ Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации.— Сов. этнография, 1977, № 3, с. 55; *его же*. Вемуны в деревне Бонгу.— В кн.: На Берегу Маклая. М.: Наука, 1975, с. 175, 179.

¹² Бутинов Н. А. Типология родства, с. 67—68.

¹³ См., например: Sangree W. H. Youth as Elders and Infants as Ancestors.—Africa, 1974, v. 44, № 1, а также отклик Н. А. Бутинова, с. 66—67 настоящего номера журнала «Сов. этнография».

аканов. При групповом родстве счет происхождения (принадлежности) также обязательно групповой и ведется латерально — либо по стороне «отцов», либо по стороне «матерей», либо по обоим сразу.

Видимо, назрела необходимость пересмотра устоявшейся периодизации счета происхождения (филиации): матрилинейность → патрилинейность, тем более что она подразумевает трансформацию одной формы линейности в другую, что вряд ли возможно. Скорее менялся принцип счета происхождения, т. е. линейный принцип сменил латеральный. Поэтому, как справедливо полагает Н. М. Гиренко, есть все основания «перенести акцент... на рассмотрение трансформации латеральных систем (где преемственность осуществляется от группы к группе) в системы линейные (где доминирует индивидуальная преемственность)»¹⁴. И первые шаги в этом направлении уже сделаны, в частности разрабатывается принципиально иная историческая типология счета происхождения: билатеральность → унилатеральность (в матрилатеральной и патрилатеральной формах) → унилинейность (в матрилинейной и патрилинейной формах) → билинейность¹⁵.

Если быть последовательным и исходить из вышесказанного о групповом и небиологическом характере родства и латеральном принципе счета происхождения на ранних этапах развития первобытного общества, то нельзя не прийти к заключению, что на этой стадии развития человечества в принципе не могло быть экзогамного *генеалогического* коллектива *кровных* родственников, ведущих свое происхождение от *одного* реального или мифического предка, т. е. рода в его наиболее общепринятом толковании. Такой социальный институт мог появиться и появился, став универсальной формой социальной организации, только на относительно поздних этапах истории первобытного общества¹⁶, когда была осознана значимость индивидуального биологического родства, возник линейный счет происхождения.

Практически к этому же выводу пришел и Ю. И. Семенов, который также отрицает возможность существования генеалогических коллективов кровных родственников на первой стадии истории человечества. Но он не доводит свою мысль до логического конца, так как продолжает называть родом первичные экзогамные и латеральные группирования, а для генеалогических экзогамных институтов предлагает новый термин «филия» («отличало их (филии или линиджи.— В. П.) от родов наличие генеалогий») ¹⁷, что в целом только запутывает ситуацию, ибо противоречит традиционному пониманию родовых институтов. «Род» — одна из немногих категорий, по поводу определения которой имеется единодушие среди советских этнографов, к тому же общепринятое определение рода отстаивается Ю. И. Семеновым в других работах¹⁸. Кроме того, несмотря на очень убедительное обоснование им

¹⁴ Girenko N. More on Marxism and Matriarchate.— Current Anthropology, v. 20, № 4, 1979, p. 815.

¹⁵ Гиренко Н. М. Социальное содержание перехода от матрилинейности к патрилинейности у народов группы ньямвези (Танзания).— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1974—1976. Л., 1977, с. 45—47; *его же*. К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки.— В кн.: Африканский этнографический сборник. Вып. XI; Попов В. А. Матрилинейность или двойная унилатеральность? (К вопросу о специфике счета родства у ашантийцев в XIX в.) — Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященной столетию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980; *его же*. On Marxism and Matriarchate.— Current Anthropology, 1979, v. 20, № 3, p. 609; *его же*. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, ГРВЛ, 1981, глава 6.

¹⁶ Ср.: «Род, экзогамия, материнская филиация и другие очень сложные элементы социальной организации отсутствовали, надо думать, и у людей на ранних этапах антропогенеза. Сложилась она только на достаточно развитом этапе биологической и социальной эволюции человека» (Марков Г. Е. К проблеме возникновения социальной организации у гоминид.— Сов. этнография, 1974, № 5, с. 114).

¹⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 227—228.

¹⁸ См., например, Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах..., с. 75—76.

группового характера первичных СР¹⁹, точкой отсчета у него по-прежнему остается индивид.

В свете всего сказанного неизбежно возникает вопрос о правомерности дуально-родовой теории социогенеза, особенно если учесть, что гипотеза об изначальном дуальном членении социальных организмов в принципе не может быть обоснована²⁰. Н. М. Гиренко, обратив внимание на необходимость разграничения двух принципиально различных форм дуализма: абсолютной (статической) и относительной (динамической), обосновал вторичность абсолютного дуального членения социального организма по отношению к динамическому и наметил пути к пониманию генезиса довольно широко распространенных форм статического дуализма, известного под названием «дуальная организация». Широкая распространенность статического дуализма отнюдь не является свидетельством его глубокой древности и изначальности, как это принято трактовать («повсеместное распространение дуального деления, находимого у народов, совершенно различных по своей этнической принадлежности и уровню развития, свидетельствует о глубокой древности и универсальности дуальной организации») ²¹. Такие толкования — явный рецидив эволюционизма, который обосновывал глубокую древность явлений их широкой распространенностью у разнотадальных обществ. В свете изысканий Н. М. Гиренко представляется более вероятным, что статические дуальные формы социальной организации могут появляться на разных стадиях развития человечества и вызываться принципиально различными причинами. Не имея возможности остановиться на этой сложной проблеме сколько-нибудь подробнее, хочется обратить внимание только на один вывод Н. М. Гиренко, который фактически вскрывает несостоятельность ссылок на данные СТР для обоснования дуально-родовой гипотезы: классификаторские (первичные) СР не были обусловлены дуальной организацией общества, поэтому СТР не может дать информацию о существовании абсолютных форм дуализма; из СТР можно извлечь информацию только о корреляции с этими формами ²². Правда, при этом всегда нужно иметь в виду, что любая СТР характеризуется наличием относительной дуальности, восходящей, видимо, к естественному дуализму полов.

Таким образом, небольшой обзор того, чего не могло быть на ранних этапах истории первобытного общества, приводит к необходимости пересмотра доминирующей модели социогенеза от первобытного стада сразу к дуально-родовой организации. Дуально-родовая теория уже не может претендовать на роль адекватного знания, так как она построена на неправомерных основаниях — ее компоненты (принципы генеалогического индивидуального родства, линейного счета происхождения, статического дуализма) стадально более поздние. Эта теория, бывшая в свое время немалым достижением теоретической мысли, исчерпала свои эвристические возможности.

Какие же принципы могут претендовать на роль структурообразующих элементов первичных социальных организмов, кроме группового социального родства и латеральности счета происхождения? Думается, что при реконструкции первичной социальной организации не обойтись без половозрастного принципа.

Положение о половозрастном разделении труда и общественных функций в первобытном обществе давно уже стало трюизмом, но, как справедливо указывает в своем отклике Н. М. Гиренко (с. 107), любое разделение необходимо предполагает объединение по этим же призна-

¹⁹ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи, с. 40—43, 161—162.

²⁰ Гиренко Н. М. Дуальная организация и турано-ганованские системы (к вопросу о статике и динамике в социальной структуре). — Африканский этнографический сборник. Вып. XII, с. 125.

²¹ Перицц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М.: Высш. школа, 1974, с. 78—79.

²² Гиренко Н. М. Классификаторский принцип и периодизация эволюции систем родства (К проблеме социогенеза первичной формации). — Африканский этнографический сборник. Вып. XII, с. 12; *его же*. Дуальная организация, с. 121.

кам²³. Следовательно, вывод о том, что первобытные коллективы не могли создаваться без учета естественных признаков, т. е. пола и возраста, не нуждается в особой аргументации. Отметим только, что авторы «Истории первобытного общества» допускают существование разделения труда по полу и возрасту уже в первобытном человеческом стаде²⁴. Тем не менее в наиболее известных теориях развития первичной формации половозрастному принципу организации общества места почти не нашлось²⁵, точнее, в обобщающих работах можно отметить две тенденции: некоторую абсолютизацию значимости пола, что в свое время привело к созданию периодизации, основанной на смене значимости одного пола другим (матриархат — патриархат), и эта схема все еще доминирует, хотя и в другой форме (материнский род — отцовский род). Существует известная недооценка значимости возраста, так как возрастные институты упоминаются или привлекаются с той или иной целью только тогда, когда речь идет о довольно поздних этапах истории первобытного общества, хотя при этом, как правило, подчеркивается их архаичность или оговаривается, что корни или истоки данного явления (мужского дома, тайного союза, возрастной военной организации и т. п.) — в половозрастном разделении труда (или в половозрастном делении родового общества)²⁶.

Но может быть, уже пришло время заняться изучением тех корней и истоков, упоминания о которых становятся общим местом? Перед нами один из тех редких случаев, когда существеннейший аспект проблемы (в данном случае проблемы первичной социальной организации) выпал из поля зрения исследователей и длительное время не привлекал к себе должного внимания, хотя недостатка, скажем, в этнографических аналогах никогда не было. Еще Г. Кунов обращал внимание на большую значимость возрастной стратификации у австралийцев²⁷, а Н. А. Бутинов, выделив три ступени в развитии разделения труда, первую ступень, на которой решающую роль играет разделение труда по полу и возрасту, совсем не случайно назвал австралийской²⁸. Интересны в этой связи выводы В. Р. Кабо о тасманийцах, у которых локальные группы делились на производственные коллективы, образованные по половозрастному признаку²⁹.

Следует отметить, что в литературе преобладает представление о конкретных формах реализации возрастного принципа как о второстепенных институтах, и когда речь идет о возрастной стратификации первичной социальной организации, то имеется в виду деление либо рода, либо родовой общины на возрастные группы, а затем все сводится к подробным описаниям обрядов инициации у разных народов мира. Поэтому трудно согласиться с уверенностью К. П. Калиновской, что «в мировой науке утвердилось общее мнение о том, что институтированные возрастные группирования — это одна из древнейших форм организации общества»³⁰. Этот вывод кажется несколько преждевремен-

²³ «Функции сегрегации и интеграции человеческих групп, противоположные по знаку, но всегда сопряженные и в сущности неотделимые друг от друга, могут рассматриваться и как две стороны одной и той же функции» (Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры. М.: Наука, 1973, с. 3. Доклад на IX МКАЭН, Чикаго).

²⁴ Першиц А. И., Монгайт А. И., Алексеев В. П. Указ. раб., с. 100.

²⁵ См., например: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975.

²⁶ Например: «Древние корни системы мужских военных союзов как наиболее ранние формы военной организации в истории человечества надо искать, несомненно, в половозрастных делениях родового общества» (Аверкиева Ю. П. Указ. раб., с. 317).

²⁷ Сипов Н. Verwandschafts-Organisationen der Australneger. Stuttgart, 1894.

²⁸ Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 54. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 150.

²⁹ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975, с. 129, 151.

³⁰ Калиновская К. П. Циклические и линейные возрастные системы народов Восточной Африки. — В кн.: Африканский этнографический сборник. Вып. XII, с. 81.

ным, так как вопрос о конкретных формах реализации половозрастной стратификации на самых ранних стадиях развития человечества еще толком и не поставлен, хотя уже и намечены некие контуры новой парадигмы в упомянутых здесь трудах Н. М. Гиренко, В. М. Мисюгина и К. П. Калиновской.

Представляется очевидным, что, прежде чем ставить вопрос о реконструкции конкретных форм реализации половозрастной стратификации, вызванной разделением/объединением труда, о механизме появления и закономерностях смены этих форм, следует сначала изучить структуру и функции известных возрастных институционализированных группирований как подсистем конкретных этносоциальных организмов. Решение этой задачи и в целом всей совокупности проблем, связанных с половозрастными явлениями, не в последнюю очередь зависит от разработки и совершенствования категориального аппарата. Как уже отмечалось в первой статье, а также в откликах К. П. Калиновской и И. С. Кона, пока еще нет единого понимания категорий, с помощью которых описываются и исследуются возрастные явления. За пределами специальных работ по возрастным институтам, наблюдается удивительное порой смещение понятий. В частности, очень путаное определение возрастных классов дано в третьем издании БСЭ (т. 5, с. 270).

Характерны также формулировки в отклике Н. А. Бутинова (с. 67), в которых, собственно, нет дефиниций и неясно соотношение между упомянутыми категориями. Видимо, сказывается еще традиция, восходящая к Г. Шурцу и Р. Г. Лоуи, называть возрастными классами или группами любые институты, основанные на возрастном принципе. К тому же термин «возрастной класс» (равно как и «брачный класс»), по-видимому, не слишком удачен, поскольку некоторые исследователи иногда склонны ассоциировать такие классы с классовым расслоением, характерным для вторичных формаций.

Как представляется, необходимо четко различать по крайней мере четыре основные категории: 1) *возрастная степень* — культурно-нормативная стадия жизненного цикла; 2) *возрастной класс* — институционализированная возрастная степень (или подразделение одной степени, или объединение нескольких степеней); 3) *возрастная группа* — корпоративная группа совместно инициированных индивидов (т. е. обладающих одним социальным возрастом), которая, двигаясь по возрастным степеням, регулярно переходит из одного возрастного класса в другой, меняя свой статус и социальные роли; 4) *возрастной сет* (age-set) — совокупность всех возрастных групп, которые одновременно переходят из класса в класс.

В идеальном варианте индивид в течение своей жизни принадлежит только к одной возрастной группе, но последовательно — к разным возрастным классам. В то же время для социального организма возрастные классы представляют собой статические (абсолютные) формы социальной организации в отличие от возрастных групп — динамических (относительных). Поэтому возрастные классы образуются далеко не во всех обществах, т. е. не везде возрастные степени (иногда не все степени, а только некоторые) институтируются в форме возрастных классов. Следует также подчеркнуть, что возрастная стратификация всегда одновременно и половая, но количество и качество мужских и женских возрастных степеней и возрастных классов может не совпадать и даже значительно различаться, что отражает разные уровни специализации общественно значимых функций.

Пол и возраст достаточно четко и однозначно могут определять социальный статус индивида и его возрастную группу, а также социальные роли, права и обязанности которые регулярно меняются через определенные интервалы, символизируемые возрастными степенями конкретного общества. Последовательность прохождения по возрастным степеням и возрастным классам может обеспечивать определенное равенство всем членам общества, хотя в каждый конкретный мо-

мент существует и известное неравенство, обусловленное иерархией возрастов. Такая система позволяет регулировать производство, распределение, все общественные функции и воспроизводство социального организма.

Сейчас значительно расширился круг синполитейных обществ, у которых обнаружены институционализированные и корпоративные формы половозрастной стратификации, т. е. имеется достаточно репрезентативный материал для изучения условий и факторов, которые способствовали возникновению статических форм типа систем возрастных классов и их роли в истории первобытного общества, а также для исследования вопроса о соотношении возрастных институтов с генеалогическими территориально-хозяйственными, потестарными, семейными и брачными на поздних этапах эволюции первобытного общества. Последний аспект часто выпадает из поля зрения исследователей возрастных систем, ведет к абсолютизации возрастных институтов. Очень важно исследовать и формы проявления половозрастного принципа в первичных СР, в частности такой их компонент, как поколение, которое представляет собой институционализированную группу сверстников-сиблингов (социальными поколениями), соответствовавшие возрастной иерархии, видимо, способствовали образованию понятий типа «родители» — «дети», которые впоследствии получили биологическое осмысление.

Нуждается в обсуждении и соотношение властно-управленческих отношений с половозрастными. По-видимому, совсем не случайно многие термины этой сферы отражают половозрастные явления. Следует отметить, что возрастные системы вполне соответствуют представлению о классическом первобытном обществе как об обществе, для которого характерны коллективизм и демократизм, поскольку они обеспечивают каждому (в составе возрастной группы) участие в управлении обществом. Такое право/обязанность было временным, имело нижнюю и верхнюю границы. Этот феномен последовательной очередности и временности, обусловленный периодической сменой возрастных групп и коллективностью права/обязанности на власть, открывает некоторые возможности для того, чтобы приблизиться к пониманию многих «загадочных» явлений, связанных с престолонаследием и передачей власти в более развитых обществах: неожиданных отречений, ритуальных убийств правителей или их имитации, временного права на власть и характера очередности и т. п.³¹

Наконец, большой комплекс проблем связан с возрастным символизмом — явлением, на которое впервые обратил внимание и обосновал необходимость его изучения И. С. Кон³². Собственно, его отклик и посвящен дальнейшей разработке проблемы возрастного символизма — этой особой «системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества» (с. 99). В рамках этой же проблематики, видимо, следует рассматривать и отклик Н. А. Бутинова, в котором предпринята попытка реконструировать предметную основу таких абстрактных понятий, как числовой ряд от 1 до 4. Правда, настоятельность вызывает некоторая прямолинейность, с которой ведется поиск единого основания, одной причины возникновения этих чисел в половозрастной организации. Нельзя также не отметить, что исследо-

³¹ Подробнее см.: Тревер К. В. Древнеиранский термин «рагпа» (К вопросу о социально-возрастных группах). — В кн.: Изв. АН СССР, ист.-филологич. серия. М.: Изд-во АН СССР, 1947, № 1; Мисюгин В. М. «Правило плуга» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья. — Африканский этнографический сборник. В. XI; его же. Правила наследования престола царями Пате. — В кн.: Тр. VII МКАЭН. Т. 9. М., 1970; Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабане. — Сов. этнография, 1978, № 4, и др.

³² Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе. — Социологические исследования, 1978, № 3, с. 77.

вание числительных имеет свою традицию, в том числе семиотического³³ и философского³⁴ осмысления их генезиса.

Предложенная в первой статье реконструкция древнеаканских корпоративных возрастных группирований (фекуо) была попыткой ответить на вопрос, аналогичный вопросу, задаваемому И. С. Коном в его отклике, институционализируется ли эта возрастная субкультура в особую систему учреждений (организаций, групп) или существует в виде отдельных разрозненных элементов и комплексов? (с. 106). Соотнесение пережиточных для XIX—XX вв. явлений социальной организации аканских этносов с известными в теории явлениями и этнографическими аналогами позволило ответить, что институционализируется, что в свою очередь дает возможность понять ряд неясных моментов социальной истории аканов. Только один момент был упущен при изложении аканского материала — в статье речь идет преимущественно о мужских возрастных группах, в то время как есть основания предполагать, что параллельно с ними функционировали и женские, т. е. система охватывала все общество в целом. В XX в. пережитки женских возрастных групп сохранились в виде женских танцевальных обществ и женских секций отрядов асафо³⁵. Совершенствование реконструкции древнеаканских возрастных институтов (с учетом, разумеется замечаний Д. А. Ольдерогге относительно этимологии) прежде всего предполагает выяснение того, как происходила смена состава каждого возрастного класса, каков порядок перехода возрастных групп из одного возрастного класса в другой, а также каков уровень корпоративности возрастных групп, наконец, почему и как эта система (если это действительно была система) разрушилась и трансформировалась в другие социальные формы, каковы соотношения возрастных институтов с другими компонентами социального организма. Ответы на эти вопросы зависят, по-видимому, не только и даже не столько от появления каких-то новых материалов, сколько от состояния теоретического освоения всего комплекса проблем, связанных с изучением половозрастного принципа и конкретных форм его реализации.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть еще раз, что социальные институты, основанные на половозрастном принципе, играли намного более значительную роль в развитии первобытного общества, чем это отражено в имеющихся первобытноисторических реконструкциях. Кроме того, требуют пересмотра некоторые устаревшие представления (об изначальности дуально-родовой организации, о кровном характере первичных СР, индивидуальном счете происхождения и т. п.), которые уже не соответствуют эмпирическим фактам и современному теоретическому уровню этносоциологии первобытности, но все еще определяют характер исследовательского мышления. Преодоление мешающих стереотипов позволит сосредоточить внимание на тех аспектах этносоциальной истории, которые до сих пор не вызывали должного интереса. В целом это обещает существенно изменить характер представлений о развитии первичной формации, так как неизбежно меняет исходные теоретические установки, угол зрения на известные факты. Теперь, например, замечание Николая Дамасского о том, что скифы «старших себе считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями»³⁶, вряд ли стоит рассматривать как подтверждающие выводы о малайском типе; логичнее предположить здесь указание

³³ См. обзор: *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаических текстах. — В кн.: Структура текста. М.: Наука, 1980; *Menninger K.* Number Words and Number. Symbols. A Cultural History of Numbers. Cambridge — London, 1970.

³⁴ См., например: *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977.

³⁵ *Owusu M.* Uses and Abuses of Political Power. Chicago — London, 1970, p. 41—42; *Datta A.* The Fante Asafo: a Re-examination. — Africa, 1972, v. 42, № 4, p. 307.

³⁶ *Nic. Damasc. Paradox.*, 3.

на возрастные категории, тем более что аналогичное употребление терминов родства для обозначения возрастных групп зафиксировано у многих африканских и индейских этносов³⁷.

SEX-AND-AGE STRATIFICATION AND CERTAIN PROBLEMS IN ETHNOSOCIOLOGICAL RECONSTRUCTIONS OF PRE-CLASS SOCIETY (IN PLACE OF A REPLY TO OPPONENTS)

The main problems in studying sex-and-age phenomena are reviewed in the paper; the author expresses his considerations as to the methods and methodology of ethnosociological reconstructions of primeval society. Attention is mainly focused upon certain means of investigation (differentiating between the structure-building principle and the concrete form of its realization, between correlation and causality, between the emergence and the disappearance of phenomena, as well as the implementation of ethnographic analogues at an equal stage of development) that serve as methodological postulates in the elaboration of hypotheses and in building up theoretical reconstructions. Certain outdated ideas are noted (the primeval character of the dual clan system, blood kinship as the base of primary relationship systems, individual-oriented reckoning of descent) that no longer correspond to empirical facts and to the theoretical level attained by the ethnosociology of primitive society.

It is stressed that social institutions based upon the sex-and-age principle have played a greater role in the evolution of pre-class society than it has been shown in existing historical reconstructions.

ОТ РЕДАКЦИИ

Обсуждение статьи В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы)» обнаружило полное единодушие в оценке важности изучения форм половозрастной стратификации в докапиталистических обществах. Различия во взглядах касались скорее выделения тех или иных аспектов этого круга проблем. Рассматривая мнения участвовавших в обсуждении можно наметить несколько таких аспектов, заслуживающих первоочередного изучения. Это, во-первых, вопрос о том, была ли система возрастных классов обязательным этапом в историческом развитии форм половозрастной стратификации, значение которого подчеркнул Н. М. Гиренко. Во-вторых, возможная связь половозрастной стратификации и числовой символики у разных народов, на что обратил внимание Н. А. Бутинов. В-третьих, возрастной символизм, затрагиваемый в отклике И. С. Кона. Наконец, выяснилась необходимость расширения круга источников, на базе которых производится анализ тех или же иных форм половозрастной организации, и тщательного учета тех ограничений, которые налагает на исследователя характер используемых им источников (Д. А. Ольдерогге, К. П. Калиновская). Участники дискуссии, в целом положительно оценив инициативу В. А. Попова в постановке указанной проблемы, в то же время обратили внимание на недостаточную разработку им отдельных ее сторон.

Редакция считает, что проведенное в журнале обсуждение статьи В. А. Попова наметило направления дальнейших исследований, которые представляются достаточно перспективными и могут принести интересные результаты. Оно несомненно стимулирует дальнейшее углубленное изучение этой весьма важной проблемы и потому заслуживает положительной оценки.

EDITORIAL COMMENT

The discussion around V. A. Popov's paper «Sex-and-Age Stratification and Age Classes in Ancient Akan Society (Introducing the Problem)» has revealed a practically complete unanimity in appreciating the importance of studying the forms of sex-and-age stratification in pre-capitalist societies. The participants in the discussion only differed in the specific aspects within the range of relevant problems on which each of them concentrated.

³⁷ Eisenstadt S. N. From Generation to Generation. Glencoe, 1956, p. 152.

In reviewing the opinions that have found expression in the discussion we may mark out several such aspects as most urgently requiring study. The first among them is the question whether a system of age classes has been a universal stage in the historical evolution of forms of sex-and-age stratification; the importance of this problem was stressed by N. M. Girenko. The second is the possibility of a connexion between sex-and-age stratification and numerical symbolism among various peoples; this was noted by N. A. Butinov. The third is age symbolism; this was touched upon by I. S. Kohn.

And lastly, it has been made clear that the range of sources upon which the analysis of particular forms of sex-and-age organization is based should be broadened and the limitations set upon the scholar by the character of his sources must be very carefully evaluated (D. A. Olderogge).

The authors who took part in the discussion, while showing, on the whole, their appreciation of V. A. Popov's initiative, at the same time drew attention to his having insufficiently elaborated certain aspects of the problem.

The editors consider that the discussion on V. A. Popov's paper held in our journal has mapped out certain paths of further studies which appear to offer sufficient prospects and may in future lead to interesting results. The discussion is bound to stimulate further intensive study of this exceedingly important problem and in this lies its positive value.